Ростовская старина

Выпуск Ростовского отделения ВООПИиК и музея-заповедника «Ростовский кремль», № 147

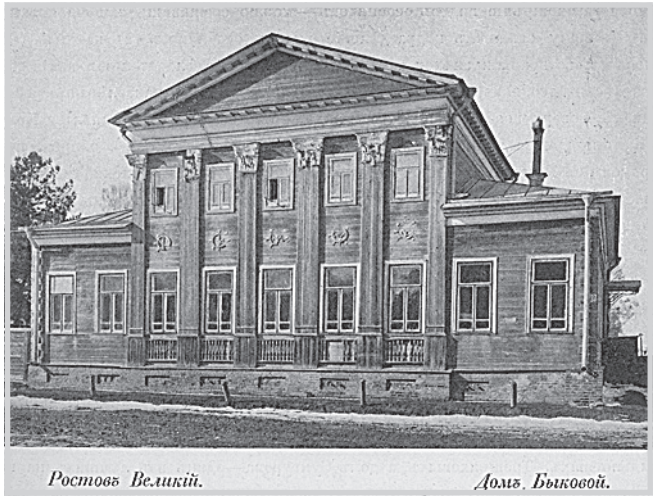
Выпуск подготовила Л.Ю. Мельник

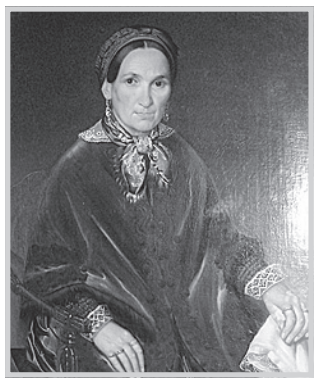
«В этом собрании много любопытных и редких вещей...»

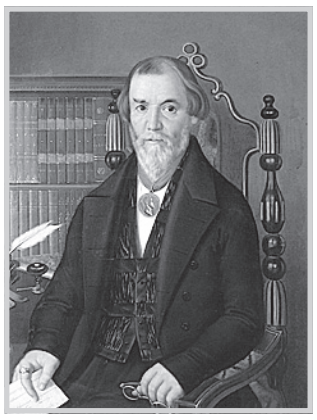
Коллекция купца Быкова

В 1919 г. у Елизаветы Ивановны Быковой, последней представительницы некогда богатого купеческого рода, были приобретены Ростовским музеем древностей семейные портреты, жанровая живопись, гравюры, произведения декоративно-прикладного искусства. Позднее, в 1924 г., Е.И. Быкова принесла в дар музею фарфоровый сервиз и шкаф-секретер первой половины XIX в. стиля «русский жакоб». Происходили эти произведения из дома Быковых, сохранившегося до наших дней. Он располагается на ул. Декабристов (ранее – ул. Ивановская). Исследователи называли дом Быкова прекрасным образцом сохранившихся построек эпохи классицизма: «…Дом великолепных пропорций и изысканных деталей говорит о высоко развитом и тонком вкусе строителей и эпохи. Впечатление строгой величавости и классической стройности достигнуто здесь вполне. Совершенство, достигнутое в этой постройке, ставит ее в ряд интересных не только с бытовой, но и с художественной стороны здания» (фото 1).

Владелец этого дома купец первой гильдии Потомственный Почетный гражданин Никита Харитонович Быков (1800 – 1880) происходил из города Богородска Московской губернии. В Ростове он поселился, судя по архивным документам, в 1840-х годах. Здесь Быков успешно повел свои коммерческие дела, занимаясь винными откупами. Ему также принадлежало два завода - водочный и кирпичный. Будучи одним из наиболее состоятельных ростовских купцов, Никита Харитонович занимал видное место в общественной жизни города: избирался на должность Городского головы 1868 – 1871 гг.; был член попечительного совета Ростовской женской Мариинской гимназии; почетным членом Ярославского дома призрения ближнего. Он благотворительствовал ростовской Толгской церкви, где в 1849 г. на его средства был устроен сохранившийся до наших дней резной балдахин над ракой с мощами св. Иоанна Милостивого. Н.Х. Быков не остался в стороне от реставрации зданий Ростовского кремля в середине XIX в., пожертвовав «по благочестивому усердию» крупную сумму на восстановление церкви Спаса на Сенях. «И конечно не в продолжительном времени, - сообщали Ярославские епархиальные ведомости, - Ростов будет иметь утешение видеть полное обновление храма сего, весьма замечательнаго по зодчеству своему и,







при самом запустении своем, не раз посещавшеюся членами Высочайшей фамилии. Тогда имя г. Быкова войдет в историю храма сего, напишется на ея скрижалях и в роды родов будет благословляемо».

Никита Харитонович, человек разнообразных культурных интересов, был широко известным и признанным нумизматом. Ярославский историк В. Лествицины в статье «Распродажа библиотеки Серебренникова» писал: «Монет мы не смотрели… смотрели монеты настоящие нумизматы А.Д. Щелков и Н.Х. Быков». Посетивший Ростов в середине XIX в. известный петербургский ученый М.И. Сухомлинов сообщал, что «при таком богатстве исторических памятников у многих из местных жителей, не получивших школьного образования, развился сам собою вкус к старине и любовь к археологическим занятиям …купец Н.Х. Быков владеет богатою коллекциею монет и медалей, разных веков и народов, от греческих, восходящих ко временам незапамятной древности, до русских восемнадцатого столетия. В этом собрании много любопытных и редких вещей; у владельца их есть также и рукописи и старопечатные книги…».

Н.Х. Быков составил каталог своего нумизматического собрания, который в настоящее время хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Благодаря этому каталогу известно, что в коллекции было 1350 золотых, платинных, серебряных, бронзовых, медных медалей и монет Российской империи. В собрании были древние серебряные княжеские монеты – Ярослава Владимировича, Дмитрия Ивановича Донского, Ивана III. На последнем листе этой рукописи сохранилась приписка рукой А.А. Титова: «Это собрание сыном собирателя Ростовским Городским Головою Иваном Никитичем Быковым в 1882 г. (то есть через два года после смерти Никиты Харитоновича Быкова – Т.К.) было распродано по рознице, и так же и прочие древности и другие предметы искусства проданы так же по рознице… внучкой покойного Елизаветой Быковой. Книга эта отдана мне за 10 руб. покойным И.Н. Быковым». Из рукописей и старопечатных книг Быковского собрания известен лишь хранящийся ныне в собрании Ростовского музея рукописный сборник последней трети XVIII в.

Получить представление о некогда значительной коллекции и о ее владельце можно благодаря сохраненным в Ростовском музее и экспонируемым ныне в Картинной галерее произведениям.

На портретах изображены члены семьи Быковых: глава семьи Никита Харитонович, его жена Татьяна Ксенофонтовна и старший сын Иван Никитич. Н.Х. Быков изображен за рабочим столом. Он собирается писать ответ на письмо, которое держит в руке. (Фото 3) На конверте ясно читается надпись: «Почетному ражд/ Милосив Госу/ Никить Харитоновичу/ Г-ну Быкову./ Ростовъ». На столе перед ним - чернильница с перьями, сургуч, печать. На втором плане полки с журналами «Современник», «Картины света» «Отечественные записки», причем на корешке переплета последних ясно читается дата - 1853 г. Ее можно принять за дату написания портрета.

На портрете жены Никиты Харитоновича – Татьяны Ксенофонтовны Быковой (1803 – 1877) неизвестный художник скрупулезно прорисовал все тончайшие детали богатой одежды, кружева, многочисленные золотые кольца на руках. Портрет может служить пособием для изучающих историю костюма (Фото 2).

Т.В. КОЛБАСОВА. (Выражаю благодарность А.Е. Лобурцу за оказанную помощь в работе)

Окончание следует.

Настоятельские и братские кельи Петровского монастыря

На территории комплекса Ростовского Петровского монастыря до наших дней сохранился двухэтажный корпус бывших настоятельских и братских келий, выдержанный в строгих формах стиля классицизма. Архивные документы позволяют существенно конкретизировать историю сооружения этого памятника.

Подготовка к строительству относится к началу 1805 г. Она выразилась в закупке различных строительных материалов. В частности, уже 20 января этого года от лица обители было «выдано ростовскому купцу Ивану Афанасьеву Голубкову за купленной у него для построения во оном Петровском монастыре настоятельских и братских келей кирпич числом дватцать три тысячи, за каждую тысячу с поставкою в монастырь по осми рублей и пятдесят копеек, итого сто девяносто пять рублей пятдесят копеек».

Далее 19 февраля монастырем «куплено под оные кельи в бут дикаго камня у разных людей на торгу в разные числа всего пять сот десять возов по разным ценам, заплачено денег всего двести четырнатцать рублей девять копеек».

28 июля 1805 г. монастырем «выдано угличскому купецкому сыну Якову Николаеву Ожегову за купленную у него к строению келей известь мерою сто пятдесят три четверти ценою по рублю и десяти копеек за четверть, итого сто шестдесят восемь рублей тритцать копеек. За провоз оной извести из Углича в монастырь выдано разных селений крестьяном за каждой воз, которых было пятдесят один, по два рубли и пятидесяти копеек, итого сто дватцать семь рублей пятдесят копеек».

28 же июля «выдано ростовскому купцу Ивану Семенову Понамареву за купленной у него для построения вышеписанных келей кирпич числом шестдесят семь тысяч двести кирпичей, ценою за каждую тысячу с поставкою в монастырь по осми рублей и семидесяти пяти копеек, итого в число пяти сот осмидесяти осми рублей в уплату четыре ста тритцать четыре». Тот же И.С. Понамарев позже получал от монастыря деньги еще за несколько партий кирпича для строительства келий.

21 сентября было «выдано жительствующему в ростовской Спасской, что на Песку, слободе отставному матросу Ивану Яковлеву Тухину с товарищи за семь сажен привезеннаго ими на их лошадях песку к вышеозначенному келей строению, за каждую сажень по осми рублей, итого пятдесят шесть рублей». Но, надо полагать, этот песок был привезен к строительству раньше, еще летом 1805 г.

Очевидно, все планировавшиеся работы по кирпичной кладке были завершены к концу лета. Об этом говорит следующая запись в монастырской приходо-расходной книге от 28 августа указанного года: «Выдано каменщику Ярославской округи вотчины помещика Павла Дмитриевича Нальянова деревни Сорокина крестьянину Илье Иванову по заключенному условию за начатую им вышеозначенных новых каменных келей работу, в которые употреблено кирпича восемдесят две тысячи и пять сот, за каждую тысячу по три рубли дватцати пяти копеек, в том числе и за бут, в уплату двести пятдесят рублей, в число которых отдано ему сто пятдесят рублей, и с зборной суммы, кои в расходе в той книге значит; да из оной неокладной суммы, сто рублей. Оные деньги двести пятьдесят рублей крестьянин Илья Иванов получил, а вместо ево за неумением грамоте ростовской купецкой сын Григорей Чимонов росписался».

Из данной записи следует, что руководителем строительства корпуса являлся каменщик из деревни Сорокина близ Ярославля Илья Иванов.

Надо полагать, к осени 1805 г. работы по сооружению каменных стен первого этажа здания были закончены, поскольку 20 сентября сего года монастырь заплатил «плотнику Ярославской округи деревни Першиной крестьянину Никите Алексееву за зделанные им из ево лесу в новостроющиеся кельи в окна и в двери сорок рам, за каждую по два рубли пятидесяти копеек, итого сто рублей».

В монастырской приходо-расходной книге имеется следующая запись от 30 сентября 1805 г.: «Взято архитектором Андреем Владимировым Мизеровым за копирование с плана и фасада новостроющихся келей дватцать пять рублей». К тому же листу названной книги подшита расписка, несколько уточняющая содержание предшествующей записи: «1805 года сентября 30 дня за делание плана к осмотру нижняго этажа вновь выстроенных келей Петровского ростовского монастыря получил Андрей Мизеров».

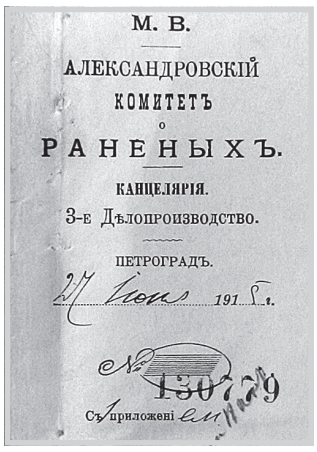
Приведенные тексты косвенно свидетельствуют, что архитектор А.В. Мизеров принимал участие в создании рассматриваемого корпуса. Возможно даже, он являлся автором его проекта, правда, в этом полной уверенности нет.

К сожалению, приходо-расходные книги Петровского монастыря за 1806 г. и несколько последующих лет до нас не дошли. И ныне невозможно проверить, насколько соответствует действительности указание литературы о строительстве второго этажа келий около 1811 г.

А. МЕЛЬНИК.

Александровский комитет о раненых

Александровский комитет о раненых учредил Александр I 18 августа 1814 г., а наименование «Александровский» комитет получил 12 декабря 1877 г. Повод для его появления - «высокопатриотическая деятельность» коллежского советника П.П. Помиан-Пезаровиуса, который с 1813 г. оказывал помощь раненым воинам и их семьям на доходы от газеты «Русский инвалид».


М. В.

АЛЕКСАНДРОВСКІЙ КОМИТЕТЪ О РАНЕНЫХЪ.

КАНЦЕЛЯРІЯ.

3-е Дѣлопроизводство.

ПЕТРОГРАДЪ.

27 Іюня 191 г.

№ 130729

Съ приложеніемъ

Основной целью комитета было выделение денежных пособий военнослужащим, получившим раны, увечья, ушибы как во время военных действий, так и при исполнении ими служебных обязанностей, но во втором случае только после невозможности продолжать трудовую деятельность. Правом на его покровительство пользовались генералы, офицеры и нижние чины регулярных и казачьих войск, а также священники, гражданские служащие военных ведомств, пограничники, пожарные и сестры милосердия.

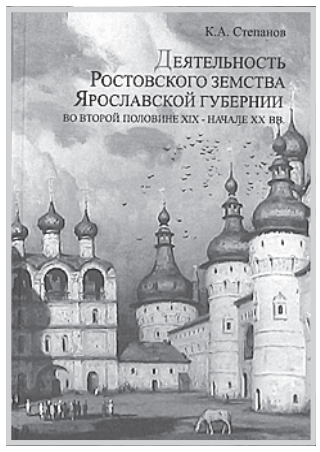
Источниками комплектования капитала комитета были поступления из Государственного казначейства, пожертвования, различные сборы, взносы, процентные вычеты с наград, пособия и т.п. В результате в его распоряжении имелись значительные денежные средства, о чем можно судить на основании расходов по содержанию раненых и их семейств в 1892 г., составивших 2830680 руб., в т.ч. на пенсии – 1893719 руб., единовременные пособия – 457969 руб., оплату за воспитание детей – 299898 руб., содержание в богадельнях и инвалидных домах – 179093 руб. Отчеты о деятельности Александровского комитета ежегодно публиковались на страницах периодического издания «Русский инвалид».

Александровский комитет (в 1914 г. находился в Петрограде, ул. Кирочная, д. 4) выдавал «инвалидные» пенсии нижним чинам с 1815 г. до 1913 г., когда по Закону от 25 июня 1912 г. «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» солдаты и матросы, потерявшие трудоспособность и уволенные в отставку после 26 января 1904 г. (начало войны с Японией), а также их семьи, стали получать денежные пенсии за счет казны. Призрение было в виде «продовольственных пособий» деньгами, с таким расчетом, чтобы на них для каждого человека можно было купить в месяц не менее 1 пуда 28 фунтов муки, 10 ф. крупы, 4 ф. соли и 1 ф. постного масла. Детям до 5 лет такое пособие выплачивалось в половинном размере. После этого пособия от комитета нижним чинам не прекратились, но стали выдаваться «в крайне ограниченных пределах». Примечательно, что на его средства нижние чины и их вдовы, в случае необходимости, могли провести «остаток своей жизни» в приютах богоугодных заведений, какими являлись Чесменский, Измайловский инвалидные дома, Лопухинский дом и вдовьи приюты при инвалидных домах, а также в богадельнях гражданских ведомств.

К. СТЕПАНОВ.

Окончание следует.

Новые книги



В 2009 году вышла в свет книга К.А. Степанова «Деятельность Ростовского земства Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.» (Ростов, 2009). Монография освещает деятельность уездного земского собрания и земской управы в области здравоохранения, народного образования, дорожного строительства.

* * *

Сегодня в Ростовском музее состоится презентация книги Е.В. Брюхановой и Я.Н. Щапова «Ростовские старинные кружевные сколки из собрания Щаповых». Книга представляет собой альбом-каталог и характеризует коллекцию сколков, подаренную Ростовскому музею одним из авторов книги, членом-корреспондентом АН России Я.Н. Щаповым.

Семнадцать лет спустя

В 1991 г. Наталия Михайловна Грейдинг, в девичестве Орлова (Москва), написала воспоминания о своих родителях, семье, детстве и ранней юности, которые прошли в Ростове – городе, где она родилась. Через год эти воспоминания под названием «Начало века в Ростове Великом» вышли в 30-35 номерах газеты «Ростовский гражданин» (публикация была подготовлена Е.И. Сазоновой).

В нынешнем году в русле проекта «Семейные архивы» увидела свет книга «Коммунальная страна в фотографиях и воспоминаниях»» (изд. ЭТЕРНА, Москва), название которой говорит само за себя – «чтобы рассказать об ушедшем и напомнить о сокровенном». И, что очень приятно, в это роскошное издание вошли мемуары Н.М. Грейдинг «Начало века в Ростове Великом». Правда, они опубликованы в несколько сокращенном варианте. Но зато их иллюстрируют фотографии, большинство которых читатели «Ростовского гражданина» увидят впервые. И впервые прочитают не только записи о московском периоде жизни Наталии Михайловны, но и ее «Послесловие», которое не вошло в публикацию 1992 г. Вот оно.

Послесловие

Н.М. Грейдинг

Я не хотела предъявлять никаких претензий ни людям, с которыми была знакома, ни времени, в котором жила и живу. Не ради имущественных интересов пишу и сейчас, через год после того, когда поставила точку (в воспоминаниях 1991 года. – Е.К.). От таких интересов советская власть меня отучила прочно, может быть, это и к лучшему, меньше огорчений.

Хочу добавить для тех, кто заинтересовался судьбой обитателей одной ростовской улицы и, главное, одного дома на ней – о судьбе самого дома. Я и писать-то начала потому, что меня попросили рассказать о нем, поскольку Ростовский музей собирался устроить тут свой филиал, разместив что-то вроде музея провинциальной фотографии. Получалось, в память моего отца. Прекрасная идея! Отказаться невозможно.

Но для музея наступили трудные времена, на реставрацию дома денег не хватило, тогда горсовет стал искать, кому бы отдать его в собственность.

Я с сыном и племянниками предложила: отдайте законное владение Михаила Аверкиевича Орлова (нашлась даже купчая 1900 года!) нам, его наследникам, а мы, хотя и нет среди нас миллионеров, обязуемся ради родного города восстановить дом, устроить в нем не только музей, но и саму фотографию в том виде, в каком она была в начале века. Подали заявление в горсовет, сотрудники музея поддержали нас. Однако получили ответ, что законных оснований для возврата дома нет, хотя закон о возвращении имущества раскулаченным существует, но применить его нельзя – ведь нас «кулачили» в городе, а не в деревне. Кстати, нашелся и документ того же исполкома, только 1931 года, коим предписывалось выселить Орловых из их дома именно по той причине, что они были его владельцами.

Могу еще простить исполкомовцев того далекого уже года, может быть, не ведали, что творили, или страшно было идти против течения. Но сейчас-то? Бояться вроде некого, образовательный уровень, говорят, сильно повысился за эти годы, а речи о развитии русской культуры в родном крае наверняка слышны на каждой сессии, хотя, конечно, произносят их с придыханием как раз такие деятели, которые служению культуре предпочитают культуру самообслуживания.

Исполком не только отказался поддержать идею восстановления одного из старейших домов города, устройства в нем частного музея с фотографией, но и отдал строение в собственность (!) лицу постороннему.

Остается надеяться, что у «приватизатора» хватит образованности, чтобы хотя бы не перестраивать дом Щаповых и Орловых, использовать его достойно до того, как он будет законно передан городской думе – именно так хотели бы поступить все наследники М.А. Орлова. Очень прошу ростовцев помочь. Не мне, а своему родному городу.

7 декабря 1992 г.

В заключение скажу, что книга «Коммунальная страна в фотографиях и воспоминаниях» была подарена в научную библиотеку Ростовского музея сыном Н.М. Грейдинг – Юрием Леонидовичем. Дарственная надпись гласит:

«Эту книгу, не мной составленную, не мной одним написанную, считаю долгом подарить музею «Ростовский кремль», потому что много страниц в ней посвящены замечательному городу Ростову

Юрий Грейдинг. 16.X. 2009 г.»

Ю.Л. Грейдинг, известный переводчик с французского языка, посетил Ростов 15-16 октября вместе с супругой, крупным искусствоведом Л.М. Евсеевой, чтобы познакомиться со своим родственником А.Н. Щаповым.

Ростов их соединил.

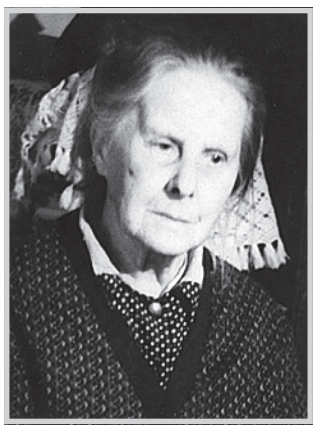
Е. КРЕСТЬЯНИНОВА.

«Цветам былого нет забвенья...»

В № 146 «Ростовской старины» были опубликованы воспоминания Н.Б. Щапова. Вместе с редкими семейными фотографиями они были любезно предоставлены его сыном Андреем Николаевичем. Немало теплых слов в этих воспоминаниях посвящено матери Николая Борисовича – Евдокии Владимировне, с которой, как и со многими представительницами купеческого сословия, судьба обошлась очень сурово. Дом ее был муниципализирован, и она была вынуждена уехать из родного Ростова. Последние годы она жила в семье сына, в Ярославле. Ее внучка - Елена Николаевна Миронова после нашей встречи в августе, по моей настоятельной просьбе написала воспоминания о своей бабушке. Удивительно теплые, искренние, цельные, они созданы написаны буквально на одном дыхании. А сколько еще их, терпеливых страдалиц, с изломанными октябрьским переворотом судьбами, доживали свой век в чужих городах, чужих домах, чужих углах…

Е. КРЕСТЬЯНИНОВА,
Е.Н. МИРОНОВА.

«Рассказы ее живут в моей памяти...»



Моя бабушка, Евдокия Владимировна Соколова, в замужестве Щапова, жила с нами в коммуналке в большой комнате в три окна. Часть с одним окном была отгорожена ковром, протянутым между стеной и шкафом, и в этой импровизированной «комнате» и располагалась бабушка. А мы – мои родители и я – по другую сторону ковра. Отопление было печное. В углу была печка с изразцовой лежанкой, и бабушка часто сиживала вместе со мной, маленькой девочкой, на этой лежанке и вспоминала, вспоминала свою ростовскую жизнь… И я, видимо, была единственным благодарным слушателем, хотя мало чего разумела в свои 6-7-8 лет. Но обрывки её рассказов живут в моей памяти. В основном это были разговоры на религиозные темы, может, мне в назидание, о всяких чудесах и явлениях. Все свои рассказы бабушка неизменно начинала со слова «бывало» - «бывало, идёшь в Пасху по улице, а офицеры так и норовят похристосоваться!» или: «бывало, маленькая булочка стоила 1 копейку».

Из «чудес», рассказанных бабушкой, помню только одно, да и то смутно: где-то был ледоход, и лёд с водой ворвался в ворота, а бабушкина мама вышла и бросила прямо в лёд пасхальное яйцо, и лёд с водой отступили!

Ещё она приговаривала: «Бог даст» – сделаю то-то, или «жива буду» - сделаю то-то, и мне, маленькой, казалось, как же может быть по-другому, чем «жива буду». Как я теперь это понимаю, став сама бабушкой!

Она была очень религиозна и строга в отношении соблюдения всех постов и праздников, знала много молитв на все случаи жизни, молилась часто перед своими многочисленными иконами. Я так и слышу её какой-то равномерно текущий шёпот, не прерывающийся ни на вдохе, ни на выдохе. Пасху бабушка особенно любила, готовилась к ней задолго, красила яйца, пекла высокие куличи. В каждый кулич втыкалась бумажная роза, а жидким безе на крышке кулича выводились буквы ХВ. Первое христосованное яйцо бабушка обязательно уберёт в буфет вместе со святой водой до следующей Пасхи, и разговляется сначала им, прошлогодним, обязательно показав его мне, что, вот, оно и не портится.

Она обязательно крестилась, когда садилась за стол и когда вставала из-за стола, крестила свой рот, если вдруг зевала. А уж когда гремел гром – тем более! Она боялась грозы, сразу закрывала окно, закрывала утюг, швейную машину и всё металлическое любыми тряпками и выходила в коридор, где и пережидала грозу. И меня бабушка учила складывать три пальчика «в щепоточку» и креститься. Однажды мы ходили с ней в Фёдоровскую церковь. Там была какая-то служба, народу было много, и какая-то чужая тётка вся в чёрном сказала мне: «А ты что же не крестишься?» И мне стало страшно. Одну молитву из маленького молитвенничка бабушка научила меня читать – «Богородицу», и я её помню. Большая икона Божьей Матери (по-моему, Владимирской) у бабушки была в киоте со стеклом, внизу были маленькие ящички, и в одном из них в малюсеньком мешочке был мелкий песок, будто бы из Иерусалима. А перед всей иконой горела лампадка на цепочках, и бабушка мне строго говорила: «Будешь шалить – боженька всё видит!» И я удивлялась, что, куда я ни спрячусь, глаза Богородицы смотрят на меня. Сейчас эта наша икона в Фёдоровской церкви, без киота, вмазана в стену.

На фото Е.В. ЩАПОВА.
Окончание следует.

О торговых селах Ростовского уезда в первой половине XIX в.

Наличие в России торговых и промышленных сел и слобод, которые в экономическом отношении в XVIII в. догоняли города и сначала фактически, а затем юридически приобретали статус городов, служит яркой иллюстрацией процесса отделения промышленности от земледелия, развития капитализма. Возникновение торгово-промышленных центров не в городе, а в сельской местности являлось одной из особенностей экономического развития страны. И.С. Аксаков хорошо знакомый с бытом и особенностями края, в письме своим родным из Ярославля от 5 февраля 1850 г. писал, что у него появилась мысль просить Министерство внутренних дел поручить ему составление описания торговых сел Ярославской губернии: «Здесь таких сел большое множество и торговля их едва ли не обширнее городской». Уже в дореформенный период некоторые из селений Ярославской губернии стали превращаться либо в промышленные поселки, либо в небольшие торговые центры. К таким центрам можно отнести крупные селения Ростовского уезда – Поречье, Угодичи, Борисоглебские слободы и др., которые по численности населения в 1850 гг. обогнали некоторые из уездных городов, или стояли на уровне с ними.

Большое значение для крупных ростовских приозерных сел, развития торгового огородничества имела местная сельская базарная торговля. При втягивании земледелия в товарное обращение увеличивается спрос сельского населения на продукты обрабатывающей промышленности для личного потребления, а также на средства производства. Уже рапорт крестьян с. Поречья графу Орлову, поданный в 1778 г. свидетельствует, что когда «пронесся слух, что базары будут уничтожены» крестьяне стали хлопотать об оставлении базара, при закрытии которого «им великая нужда последует», так как «…всякое хлебное жито, … всякий лес, покупается в том селе подобной ценой».

В середине XIX в. в Ростовском уезде, помимо города, существовало, 9 ярмарок и 5 базаров. Число их по сравнению с XVII в. увеличилось на 1/3. Сельские ярмарки собирались в разное время года: с 30 апреля по 2 мая, а также в 1-й день на 3-й неделе Великого поста – в Борисоглебских слободах; в 10-ю пятницу - в Дмитриевском погосте; 6 мая и 14 сентября – в Никольском погосте у Животворящего креста; Так называемая – Боголюбивая ярмарка в с. Филимоново Ново-Пеньковской волости. По крупным торговым селам базарные дни были распределены по дням недели: по воскресениям – в Петровске, Поречье и Угодичах; по понедельникам – в Борисоглебских слободах; по вторникам – в Давыдове; по средам – в Поречье; по четвергам – в Караше; по пятницам – в Гарях и Вощажникове. В зимнее время торг был многолюднее, чем летом, прибывала значительная часть отходников из городов. Товары в основном продавались для крестьянства, которое сбывало здесь значительное количество огородной продукции. В середине XIX в. базары в торговых селах были весьма многолюдными. В Угодичах народа из окрестных селений собиралось до 500 человек, в Поречье приходило на торг от 500 до 2000 человек.

Быстро начинает развиваться постоянная или магазинная торговля. В Поречье из товаров продавались чай и сахар, шерстяные, шелковые и бумажные изделия, хлеб и сено, мясо, рыба, масло, и пр. Сумма их продаж составляла от 150 до 1500 руб. сер. В ряде приозерных сел уезда в это время были сооружены большие гостиные дворы. В 1857 г. «Ярославские губернские ведомости» сообщали: в с. Поречье-Рыбном графа Панина отстроен новый каменный гостиный двор с 60 лавками, который «по обширности, удобствам помещения и архитектуре сделал бы честь любому уездному городу. Порецкий рынок был доселе из первых в Ростовском уезде, тем более, отныне останется за ним это первенство». В части лавок торговля велась постоянно, другие открывались во время базаров. Все вышеупомянутые продукты, не исключая хвороста для подтычки на грядах горошка, крестьяне Поречья покупали на рынке. Здесь же производился сбыт продуктов огородничества.

В 1870 г. поречское волостное правление рапортовало в уездную земскую управу, что в волости базары бывают в одном только Поречье, с какого времени они учреждены и с чьего разрешения «по справкам» в волостном архиве данных не оказалось. Со слов старожилов было видно, что базары в селе «существуют с древних незапамятных времен». Причину существования базара волостное правление определило, как большое народонаселение, непосредственно в селе, так и в окружавших его селениях. Торговля в лавках производилась местными жителями ежедневно, «… из-за постоянной потребности продовольственных запасов со стороны, как жителей села, так и рабочих, которых пребывало в Поречье постоянно до 500 человек».

В Угодичах в 1850 г. имелось 3 лавки с съестными припасами, из которых 2 хозяина в год производили торговлю на 3000 руб. сер. каждый. На базаре крестьяне на 1 хозяина овощей продавали на сумму от 25 до 50 руб. сер. Привозился осенью цикорий и хлеб, корзины и дрова, лучина и солома, деревянная посуда и горшки, хмель и картофель, лук и прочие товары, на сумму до 5000 руб. сер. которые сбывались на сумму до 700 руб. сер. Картофель продавался местным крестьянам для переработки в муку, патоку и саго. Реализовали его, как в самом селе, так и частично разменивали в деревнях на рожь. Аналогично производился главный сбыт лука, озимого и высушенного во время зимы на овине чеснока. Значительная их часть шла в Петербург и другие города. Огурцы продавали как в Ростове, так и развозкой по разным городам и селам, на расстоянии от Угодич до 200 верст. Сбыт семян овощей и трав производился на месте и в Ростовскую ярмарку приезжим покупателям. «Что касается домашнего быта Угожан, - писал А. Артынов, - то, так как здесь нет ни хлебопашества, ни лесоводства, то хлеб, дрова и прочие принадлежности обихода покупаются на местном рынке, в Ростове и на стороне».

Показатель дохода, заработка наряду с другими индикаторами характеризует уровень жизни населения. Примерный расчет доходов крестьян-огородников по исходным данным – материалах экономических примечаний Менде, вотчинных архивов приозерных селений, публикаций в периодике, показал следующее: зафиксирован средний высев по основным культурам и валовой сбор на одну душу. Подсчитав средний высев (зеленого гороха 1 фунт, картофеля 1 четверть и цикория 1 фунт), среднюю реальную урожайность (гороха сам-10, картофеля сам-10 и цикория сам-80) получим реконструкцию усредненного валового урожая на крестьянское хозяйство: зеленого гороха 10 фунтов, картофеля 10 четвертей и цикория 40 фунтов. При ценах 1850 гг. 1 фунта зеленого горошка в 50 коп. сер., картофеля 1 четверти в 1 руб. сер. и цикория 1 пуда в 90 коп. сер. получим сумму дохода от каждой культуры – 5 руб. по горошку, 9 руб. по картофелю и 1 руб. 80 коп. по цикорию, итого 15 руб. 80 коп. сер. на одну ревизскую душу. Доходность лука при высеве 3 четверти на душу при среднем урожае сам-5 и цене в 1 до 2 руб. сер. за четверть была от 15 до 30 руб. сер. При стоимости коровы в 10 руб.

А. МОРОЗОВ.
Окончание следует.

История семьи Николая Николаевича Рыкунина

Счастье очень редко бывает долгим, чаще всего жизнь состоит из черных и белых полос. Вот и для семьи П.И. Рыкунина XX век начался с черной полосы. В1902 году в возрасте 43 лет Петр Иванович умирает от «паралича сердца». Отчего сдало сердце у, казалось бы, успешного мужчины в самом активном возрасте? Наверное, на то были причины.

Старшему его сыну Ивану едва исполнилось 20 лет, и, скорее всего, он был не совсем здоров, так как от армии его освободили. Второму сыну Николаю и вовсе было только 18 лет…

Пока была жива Марья Николаевна - мать семейства, бизнес семейный еще как-то существовал, но в 1908 году умерла и она. Наследником был объявлен Иван, но, скорее всего, Ивана мало интересовали дела, он много пил и в 1910 году был признан «сумасшедшим в форме алкогольного отравления». Можно себе представить, какое это было горе для его родных!

Ростовский сиротский суд поручил опекунство над имуществом семьи Рыкуниных П.В. Ванчагову, личному почетному гражданину, управляющему фабрики РОЛЬМА. Петр Васильевич был женат на родной тетке детей Рыкуниных – Марье Петровне.

Почему-то Николай Рыкунин не стал заниматься торговлей, он и сестры решили продать всю недвижимость и разделить наследство. Кто купил торговые лавки - неизвестно, а вот дома в кремле приобрел Федор Антонович Губичев. Дом на Покровской улице (совр. ул. Ленинская, 13) оставили Ивану Петровичу, посчитав, что в родном доме несчастному будет легче переживать свой недуг. И, действительно, до 1918 года Иван проживал в своем доме под наблюдением врачей и прислуги. Дом хлопотами Ванчагова был отремонтирован, содержался в порядке, и сам хозяин все 8 лет не знал никаких лишений. А когда пришла новая власть, дом был реквизирован в пользу военного штаба, а Ивану дали жилье в доме Владимирова по ул. Заровской. Деньги на его счете в банке тоже ушли в пользу государства. Как доживал свой век этот несчастный - неизвестно.

Николай Петрович Рыкунин с 1907 года, имея статус «прапорщик запаса», при разделе имущества в 1910 году, естественно, получил свою долю. Как он распорядился своим капиталом – мне неизвестно. Но в 1911 году все семейство Рыкуниных выбыло из купеческого сословия.

Женился Николай Петрович в 1909 году на Марии Антоновне Губичевой - дочери мещанской вдовы Прасковьи Емельяновны Губичевой. (Это ее родной брат, Федор Губичев скупит через год почти всю недвижимость Рыкуниных.) Жила семья Рыкуниных в родовом доме на Покровской, но, поскольку дом тогда целиком принадлежал брату, Николай Петрович платил ему за квартиру.

В 1912 году семью постигло новое несчастье: умерла Анна, старшая сестра Николая Петровича.

В его собственной семье тоже все складывалось печально: первый ребенок умер, не прожив и года. А второго ему самому не удалось дождаться: Николай Петрович умер от «скоротечной чахотки в феврале 1915 года, а сын, которому суждено было стать последним мужчиной этой ветви Рыкуниных и самым ярким ее представителем, Николай Николаевич

Рыкунин - будущий Народный артист России, Почетный гражданин Москвы - родился 23 сентября 1915 года. Но это уже совсем другая история.

З. КРАУЗЕ.

P.S. 20 октября 2009 г. Н.Н. Рыкунин умер. Ему было 94 года. Но династия артистов Рыкуниных продолжается... В одном из выпусков проекта "Минута славы» принимала участие вокальная группа девушек «Консонанс». Эту группу организовала 17-летняя дочь Н. Н. Рыкунина.

Поздравляем!

В девятом номере за 2009 год одного из самых престижных, или, как сейчас принято говорить, рейтинговых журналов «Вопросы истории» была опубликована статья сотрудника Ростовского филиала Государственного архива Ярославской области К.А. Степанова «Ярославское ополчение в Отечественной войне 1812 г.».

Искренне поздравляем автора,, который является постоянным участником «Ростовской старины», с этой несомненной удачей!

Друзья и коллеги.

Избранные материалы «Ростовской старины» публикуются: starina.blog.ru